

Михаил Гутерман

моск. новости - 2003
15 авг. театр I
С 19. урок
ЧИСТОПИСАНИЯ
Фирменные «Белые ночи»
Вслед за «Школой современной пьесы» новый сезон в Москве открыла «Мастерская Петра Фоменко».

На открытии показали последнюю премьеру театра – спектакль «Белые ночи» в постановке молодого ученика Фоменко Николая Дручека, похожий на лучшие работы «фоменок», как две капли воды.

«Сентиментальный роман» – так определил Достоевский жанр своей ранней повести – идеально вписывается в репертуар театра, где все всегда свежо, мило, трогательно и ненавязчиво, будь это Толстой, Пушкин или современный автор. Разглядывание в микроскоп мельчайших оттенков человеческих отношений и тонкая психологическая вязь, сдобренная изрядной порцией юмора, – эти фирменные рецепты популярного коллектива почти в совершенстве освоил Николай Дручек и старательно повторил в своей первой самостоятельной работе. Как и все здесь, она написана акварелью. В спектакле нет ни повода чувств, захватившего петербургского мечтателя, ни загадочного города – едва ли не главного героя повести, нет и призрачных, ненадежных белых ночей – вместо волшебного света одна неяркая лампа где-то сбоку. Зато множество знаков: порванные к потолку узкие балки (мосты) и пыльные аквариумы (невская вода), белые лепные львиные головы (город) и неожиданно пестрый наряд бедного чиновника, напоминающий скорее жанровые картины Федотова, чем раннюю прозу Достоевского. В углу стоит клавесин или фисгармония, аккомпанирующая сентиментальным переживаниям героев, а кресло, на котором они сидят, взмывает вверх вслед за их улетающими в эмпирей сердцами. «Фоменки», склонные к чувствительности, резонно боятся патетики, поэтому то и дело посмеиваются над происходящим: бабушка и припугнутая к ее юбке Настенька восседают на огромных креслах, а в их длиннющих юбках прячутся и комната жильца, и он сам. Поход в оперу на «Севильского цирюльника» вообще решен как капутник: даже слепая бабушка спрыгивает со своего насеста и азартно разыгрывает сценки с Розинкой (внука), Фигаро (мечтатель) и Альмавивой (жильец). А служанки Матрена и Фекля вообще персонажи фарса.

Вслед за «Школой современной пьесы» новый сезон в Москве открыла «Мастерская Петра Фоменко».

Час сорок без антракта (еще одна дань современным зрительским предпочтениям) пролетает незаметно и неоспорительно, и актеры, особенно исполнительницы, не обманывают ожидания поклонников: от Полины Агуреевой – Настеньки глаз не оторвать, до чего она хороша, а Ирина Петрова (бабушка) снова доказывает, что она превосходная характерная актриса. Труднее всех Томасу Моцкусу, играющему мечтателя. Ни его внешние данные, ни общая тональность постановки не говорят в пользу того, что «минуты блаженства» ему хватит на всю оставшуюся жизнь, – а ведь именно об этом писал Достоевский. Но это недоразумение быстро растворяется в остроумных мизансценах, когда или Настенька вот-вот упадет в воду, или тень жильца возникнет неожиданно, словно тень отца Гамлета. Баланс лирики и иронии соблюдается безупречно.

И тем не менее ловишь себя на мысли: иная работа талантливого, ни на кого не похожего троечника бывает куда интереснее гладкописи отличника и первого ученика. Так много в «Белых ночах» от Фоменко и так мало – от Николая Дручека. Так узнаваемо все в этих стенах: снова этюд, эскиз, изящный намек на некие нешуточные чувства и страсти, но, упаси боже, только не они сами. Прекрасно выученные актеры, застывшие в своем амплуа. Талантливые художники, декорирующие малое пространство со вкусом постоянных читателей дорогих глянцевого журналов по интерьеру. Зритель, который ходит сюда уже не только потому, что интересно, но и потому, что престижно.

Мудрый Фоменко не случайно сказал на сборе трупы о том, что театр переживает опасный период: «Становится модным нас любить». И призвал актеров вносить самые рискованные творческие предложения. Известная доля безумства и авантюры как воздух необходима этому, возможно, самому интеллигентному в Москве коллективу, потому что в уроках театрального чистописания ему уже нет равных.

Нина АГИШЕВА